

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЛАДИМИРСКОГО ЗЕМСТВА В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ (1866-1917 гг.)

VLADIMIR ZEMSTVO ACTIVITIES IN THE FIELD OF NATURE PROTECTION AND MANAGEMENT (1866-1917 gg.)

T. Golubkina

Annotation

The article on materials Vladimir province considers the main activities of the "zemstvo" (elective district council in pre-revolutionary Russia) in conservation and environmental management in 1866-1917. The article analyzed the directions, methods, forms and results of operations in water conservation, forest and soil resources of the province. Natural potential of the Vladimir region is considered as a factor in successful economic development.

Keywords: zemstvo (elective district council in pre-revolutionary Russia), Vladimir Province, nature conservation, environmental management.

Голубкина Татьяна Михайловна
К.ист.н., доцент,
ФГБОУ ВПО "Владимирский
государственный университет"

Аннотация

В статье на материалах Владимирской губернии рассмотрены основные мероприятия земских органов в области охраны природы и природопользования в 1866-1917 гг. Определены направления, методы, формы и результаты деятельности земств в области охраны водных ресурсов, лесных и почвенных богатств губернии. Природный потенциал Владимирского региона рассмотрен как фактор успешного хозяйственного развития.

Ключевые слова:

Земство, Владимирская губерния, охрана природы, природопользование.

Одной из наименее изученных сторон деятельности земских органов Владимирской губернии, как, впрочем, и других регионов Российской империи, является работа по охране природы и природопользованию. Вместе с тем, актуальность экологических проблем современности поставила их в разряд приоритетных в научных исследованиях и потребовала изучения в исторической ретроспективе.

В пореформенный период Владимирская губерния, наряду с Московской, Санкт-Петербургской, Нижегородской и некоторыми другими относилась к району развитой промышленности, занимая третье место в стране по объемам производства [25, с.103]. Необходимым условием зарождения и развития городов и заводов здесь выступали реки, являясь источниками энергии, дешевыми и удобными транспортными артериями. По мере того, как развитие промышленности набирало высокие темпы, предприятия все шире использовали речную систему для производственных процессов и спуска неочищенных отработанных сточных вод обратно в реки. Тревожные сообщения о состоянии экологии водных пространств периодически поступали в местную прессу уже с середины XIX в. Так, по сведениям корреспондентов "Владимирской газеты", жители промышленного центра Иваново-

Вознесенска не решались выпить стакан чая, не собрав предварительно ложечкой всплывшие на поверхность масла [12, с.16], а один сметливый предприниматель даже установил на реке Уводи загородку для ловли нефти и тут же на берегу, в шалаше, перерабатывал ее в колесную мазь [2, с.33]. Результаты анализа, проведенного Владимирским обществом любителей естествознания, показали, что из семи исследованных рек Владимирской губернии только в одной (р. Колпи) вода была пригодна для питья – не "ситцевая и нефтяная", другие же сильно пострадали от прилегающих к ним фабрик [12, с.16].

Сточные воды промышленных производств не были единственной угрозой водных богатств владимирщины. С ростом городов Клязьма, Уводь и другие реки превращались во вместилище обильных сточных вод городского хозяйства. Крайне неблагоустроенные в санитарном отношении города и фабричные поселки обычно удаляли мусор и нечистоты на примитивно устроенные свалочные места, чаще всего расположенные на берегах рек. В период дождей и паводков часть бытовых отходов обычно смывалась в речные протоки.

В связи с этим уже в середине XIX столетия проблемы использования водных богатств оказались в зоне внима-

ния как центральной, так и местной администрации.

Безусловно, в Российской империи в пореформенный период существовала развитая нормативно-правовая база, регламентирующая сферу водопользования. Сформировалась система специальных государственных органов, осуществляющих разнообразные организационные мероприятия и контролирующие функции при использовании природных ресурсов. Приоритетной задачей высшей администрации являлась защита общественных водоемов – источников питьевого водоснабжения населения и домашних животных. Предусматривались разнообразные меры ответственности за нарушение санитарных правил, которые были закреплены в Уставе медицинской полиции, Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (в редакции 1885 г.), Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, Уголовном Уложении 1903 г. Значительным пробелом в законодательстве стало отсутствие вплоть до 1917 г. единого акта, который регулировал бы охрану водоемов от промышленных и иных загрязнений.

Однако осуществление ряда практических мер по борьбе с загрязнениями водных ресурсов было возложено среди прочих санитарно-хозяйственных вопросов на органы местного самоуправления – земства. Вместе с тем, права последних были существенно урезаны, наиболее серьезные проблемы решались лишь с одобрения губернских властей.

Одним из важнейших направлений природоохранной деятельности земских организаций Владимирской губернии стало законотворчество. Согласно статье 108 "Положения о земских учреждениях" 1890 г. губернское земское собрание имело право составлять обязательные для населения как целой губернии, так и отдельных местностей, постановления "о порядке содержания в чистоте площадей, улиц, дорог, сточных труб, прудов, колодцев, канав, естественных протоков, мостов, о чистоте дворов, об устройстве и порядке содержания в санитарном отношении боен, фабричных, заводских и др. промышленных заведений... о мерах предосторожности против порчи воды..." [3, с.12]. Постановления были призваны если не решить, то хотя бы смягчить острые проблемы санитарно-экологического состояния городов и селений и содержали ряд важнейших норм по охране и рациональному использованию важнейших компонентов окружающей среды (воды, воздуха, почвы).

В 1892 г. и 1893 г. Владимирским губернским земским собранием были разработаны "Обязательные санитарные постановления для уездного населения Владимирской губернии", включавшие VI разделов, где основное внимание отведено защите водных ресурсов [16, с.372–381]. Большая часть статей была направлена на

предотвращение загрязнения вод возрастающей массой бытовых отходов. Так, производить различные хозяйственные работы (мочение деревянных обручей, бочек, полоскание белья) разрешалось только ниже тех мест, которые использовались населением в качестве источников питьевой воды и для водопоя скота. Мочение конопли, льна, мочала, промывание шкур в водоемах, использующихся для питья, было запрещено. Для данной деятельности предписывалось устраивать специальные ямы за чертой селений. Не допускалась свалка сора, навоза и палых животных, сток грязных вод и нечистот по берегам рек, ручьев, прудов, озер и оврагов.

Часть V Санитарных правил регламентировала использование водных ресурсов фабрично-заводскими предприятиями и исходила из требований минимизации нанесения вреда природе, а также оборудования промышленных предприятий очистными сооружениями. Так, спуски грязных вод, химических продуктов и вообще всех вредных отбросов производства в реки, ручьи, пруды, из которых население пользовалось водою, не допускались. Промывные воды, спускаемые в низины, овраги и болота, также должны быть предварительно обезврежены [16, с.372–381].

Однако принятые постановления страдали существенным недостатком: предписывая устранение вреда от загрязнений, правила не давали никаких конкретных указаний для практического выполнения этих требований. Например, параграф 49 "Обязательных санитарных постановлений" Владимирского губернского земства гласил: "Спуск промывных грязных вод с фабрик и заводов в реки, ручьи и другие водохранилища, из которых население пользуется водой, не допускается". Такое категорическое запрещение, однако, дополнялось следующей компромиссной формулировкой: "но в тех случаях, когда условия местности или какие-либо другие вполне уважительные причины препятствуют немедленному уничтожению означенных спусков, они могут быть разрешаемы на известный срок в каждом данном случае, при условии возможно лучшего обезвреживания и обезцвечивания или на полях орошения или посредством особых бассейнов, фильтров и химических способов и при устройстве и содержании за счет фабрикантов достаточного числа колодцев для пользования населения" [16, с.380]. Подобная редакция не давала твердого основания для решения вопросов об охране водных богатств и создавала трудности для надзора.

Отсутствие надежной системы контроля усиливалось и мягкостью наказания. Так, за порчу воды в местах, где ее использовали жители (если при том не было умысла общественному здравью), виновные подвергались, согласно "Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями" аресту не свыше 7 дней или денежному взыска-

нию не свыше 25 рублей [22, с. 120]. Тем самым, интересы предпринимателей устойчиво ставились выше задач, связанных с охраной природы.

Новые "Обязательные санитарные постановления" были изданы лишь в апреле 1909 г, в то время как проект был подготовлен съездом врачей еще в 1904 г. [17, с. 1–12]. На то, чтобы согласовать проект с уездными земскими собраниями ушло целых четыре года. Причем, столь долгий срок объясняется не столько возражениями уездных земств, сколько элементарным невниманием земских управ к вопросу, казавшемуся далеко не перво-степенным: они так и не прислали своих заключений о проекте. Лишь настойчивый циркуляр губернатора, предложивший земской управе "озаботиться скорейшим внесением" в губернское собрание проекта постановлений в виду приближающейся холерной эпидемии" заставил депутатов ускорить работу [4, л. 20].

В общих чертах новые постановления повторяли требования предыдущих, но сфера их применения несколько расширялась. Так, отдельная часть касалась правил содержания картофелетерочных заведений, которые наносили вред рекам Меленковского, Судогодского и Муромского уездов. Так, в Меленковском уезде, где находилось около 50 такого рода предприятий, вода в реках представляла собой жидкость шоколадного цвета [12, с. 16]. Согласно новым правилам, все промывные, отстойные воды с производства не должны были попадать в окружающую почву или естественные водоемы. Кожуру, шелуху и прочие отходы производства предписывалось собирать в непроницаемые ямы, а не разбрасывать вокруг заведения и, тем более, не спускать в водоемы. По окончании сезона картофелетерочное заведение и окружающая его местность должны были быть тщательно очищены [17, с. 9–10].

Формально, наблюдение за исполнением разработанных постановлений возлагалось на санитарных попечителей, избираемых уездными земскими управами. Но, как отмечали сами депутаты, "насколько этого легко пожелать, настолько же трудно выполнить" [5, л. 2]. Главную трудность справедливо видели в отсутствии средств и кадров для новой должности. "Кто может принять на себя трудную и неблагодарную обязанность" земцы не знали [5, л. 2]. На деле институт участковых попечителей так и не был создан.

Следует отметить, что российское законодательство об охране водных ресурсов в изучаемый период формировалось как составляющая системы мер по охране здравоохранения. Действительно, пореформенная Россия не была благополучной в санитарном отношении. Об этом свидетельствуют показатели общей смертности населения и числа умерших от острозаразных болезней,

превышающие из года в год однородные санитарно-статистические коэффициенты всех остальных государств Европы. Средняя смертность в Швеции и Норвегии составляла 16–17 человек на 1000 населения, тогда как по Европейской России 33 человека на 1000. Владимирская губерния не только не представляла в этом отношении исключения, но и превосходила средние данные по России. Смертность в губернии в 1888 г. была 39, 1889 г. – 45, в 1890 г. – 45, в 1891 г. – 39, в 1892 г. – 39 человек на 1000, а по отдельным уездам и значительно выше [13, с. 32].

Поэтому среди комплекса мероприятий в области охраны водных ресурсов следует указать и на работу Санитарной комиссии, созданной в 1882 г. при губернской земской управе. Деятельность этого органа была направлена борьбу с возникновением и последствиями холерных эпидемий, но не замыкалась в узкие медицинские рамки. Особое внимание в ее работе предполагалось уделять контролю за качеством питьевой воды.

В "Положении о санитарно-исполнительных комиссиях" были определены четыре источника загрязнения речных вод: спуск сточных жидкостей с фабрик и заводов, удаление отходов из выгребов в реки, свалка мусора на примитивно устроенные свалочные места вблизи рек и, наконец, устройство из навоза всевозможных запруд. Членам санитарной комиссии при участии местных жителей предписывалось периодически осматривать имеющиеся источники водоснабжения и определять, насколько возможно, "доброкачественность" воды [6, л. 15].

Уже в первые годы существования Санитарной комиссии появились многочисленные медико-топографические описания отдельных селений и уездов, включавшие и первые научные исследования экологии водных ресурсов губернии [20, с. 75–79]. Особняком стоит работа санитарного врача губернии С.В. Любимского, принявшего первые описания фабричных заведений некоторых уездов [21]. Выводы и заключения автора о нарушении санитарных норм и спуске отработанных вод послужили стимулом для более основательного изучения земством состояния водоснабжения, уровня загрязнения естественных водных ресурсов отбросами фабрик.

Природоохранная деятельность земства заметно оживилась с введением в 1898 г. института уездных санитарных врачей, в широкий круг обязанностей которых входило и изучение всех влияний среды, подтачивающих здоровье человека. Так, санитарный врач по мере своих возможностей, должен был исследовать воду и источники водоснабжения. Однако не располагая необходимой системой контроля, санитарные врачи зачастую были бессильны в борьбе с многочисленными нарушениями. Так, в своем отчете за 1911 г. санитарный врач Влади-

мирского губернского земства по Муромскому уезду В.М. Арцимович скептически отмечал: "Изучение крахмального производства...и некоторое знакомство с вопросом об очистке сточных вод не позволяет мне надеяться, что моя работа в данном направлении принесет заметные результаты. Не говоря уже о том, что сами санитарные постановления нуждаются во многих дополнениях и изменениях, то обстоятельство, что они, хотя и имеют законную силу, но официально взяты под сомнение, заставляет представителя земского санитарного надзора не быть слишком настойчивым в проведении их в жизнь" [8, л.2 об.].

Промышленное загрязнение речной системы закономерно влекло за собой сокращение и гибель ихтиофауны. В сфере внимания земских органов эта проблема оказалась в связи с упадком рыбного промысла, занимавшего в экономике края далеко не последнее место. Под угрозой оказался промысел и на самом крупном водоеме Владимирской губернии – Плещеевом озере, где главным богатством являлась переславская сельдь "ряпушка". Особенно заметным стало уменьшение рыбной продуктивности в середине XIX века, что местные жители связывали с появлением в озере промышленных сточных вод [24, с.16]. В ходе рассмотрению вопроса губернская земская управа ознакомилась с передовым опытом Псковского земства по искусственному рыбозаведению, а член управы Е.С. Щербачев посетил созданную на Чудском озере станцию для разведения сельди. Результатом стало выделение губернским земским собранием 100 рублей на разведение молодой сельди для посадки в Плещеево озеро. Курировать проект согласился известный русский ихтиолог, секретарь Императорского Русского общества акклиматизации животных и растений Ф.Ф. Каврайский [7, л.93].

Владимирский край издавна был богат лесами. Крупные лесные массивы в доагрикультурное время покрывали значительную территорию будущей Владимирской губернии. Особенно славились непроходимые Муромские леса и заокский Рожнов бор, сливавшийся с тамбовскими и рязанскими лесами. Вырубка леса на территории Среднерусской возвышенности началась еще с середины I тысячелетия до н.э. и была связана с развитием земледелия. Естественно, в первую очередь осваивались самые плодородные, пойменные земли. Однако масштабы сведения лесов в то время были ничтожно малы и почти не оказывали заметного влияния на природу. Лесные богатства Владимирской губернии, необходимые для существования промышленности, сыграли в XVIII–начале XIX вв. важную роль для основания крупных производств.

С развитием капитализма интенсивная вырубка лесов приняла хищнические размеры. Уже во времена Бата-

шовых и Мальцовых лес вырубался для углежжения и других промышленных целей. По данным генерального размежевания 1776 г. в губернии насчитывалось 2015575 десятин земли, занятой лесами, к середине XIX в. таковой осталось около 1452530 десятин [19, с.3].

Особенно усилилась вырубка лесов после 1861 г., когда многие помещики стали быстро разоряться и закладывали имения, а лес продавали на сруб. Свою роль сыграло и увеличивающееся с каждым годом крестьянское малоземелье и связанное с ним стремление освободить из-под леса все площади, пригодные для длительного сельско-хозяйственного пользования.

В 1888 г. было высочайше утверждено "Положение о сбережении лесов". Для исполнения Положения в каждой губернии создавались лесоохранительные комитеты, включавшие, в том числе, и представителей от земств [23, с.156–158].

Главную опасность для лесов представляли пожары. В целом, все владельцы – казна, уделы, помещики – тратили большие средства как на ликвидацию уже возникших пожаров, так и на мероприятия, предупреждающие их возникновение. В каждом лесничестве или имении можно было встретить ни одну пожарную вышку; на летнее время нанимался особый кадр конных и пеших пожарных сторожей. Обращалось серьезное внимание на очистку лесов от остатков разработок. В некоторых дачах создавалась искусственная сеть противопожарных полос [1, с.65].

В работах по лесосбережению участвовало и земство. В 1874–1876 гг. Владимирская губернская земская управа разработала проект правил "О мерах предосторожности от огня в полях и в лесах и о тушении напольных и лесных пожаров". Правила регулировали проезд и пребывание населения в лесах в весенне-летнее жаркое время: запрещалось разведение костров, выжигание травы; предписывалось соблюдать осторожность при курении. Также проект содержал ряд эффективных мер, направленных на скорейшую локализацию и тушение возникших пожаров силами сельских обществ и полиции [10, с. 105–107].

В тесной взаимосвязи с лесоохраной находилась проблема охраны почв, задействованных в сфере сельхозпроизводства. Существенный вред почвенному покрову наносился распространением оврагов и сыпучих песков, возникающих зачастую вследствие деятельности человека – активной вырубки лесов.

До начала 90-х годов XIX в. борьба с повреждениями почв даже и в масштабах страны носила случайный, эпизодический характер. Лишь с 1893 г. Министерством

земледелия и государственных имуществ были предприняты некоторые меры, направленные на организацию пескоукрепительных работ на местах, а к практическому осуществлению борьбы с песками Лесной департамент приступил только с 1898 г. Основным способом было укрепление песков и оврагов путем посадки кустарниковой и древесной растительности.

Начало работам во Владимирской губернии было положено в конце 1906 г., когда по ходатайству Меленковского земства в уезд был командирован Лесным департаментом лесовод Д. Жулида. По такому же ходатайству песчано-овражные работы были открыты в 1909 г. в Муромском уезде, в 1913 г. – в Судогодском. В 1907–1917 гг. в трех уездах было укреплено 99 десятин песков посадкой шелюги и произведено 1540,1 десятин посадок сосны, прочих пород было посажено 15,4 десятин. За счет земства содержалась одна шелюговая плантация площадью 4,39 десятин в Меленковском уезде [14, с. 91–93]. В целом земство вносило посильный вклад в лесомелиоративные работы губернии: отпускало средства на наем десятников (лесокультурные надзиратели) 1–2 человека на уезд, оплачивало разъезды лесоводов, приобретение лесокультурных орудий и доставку посадочного материала для крестьянских обществ [18, с. 2–5]. Участвовало земство и в работах по укреплению оврагов в Муромском уезде. Там овраги занимали около 300 десятин и причиняли ощутимый хозяйственный вред населению. До 1916 г. на укрепление 6 оврагов было израсходовано 4960 рублей, часть которых была покрыта земскими ассигнованиями [14, с. 95].

Земство не могло обойти вниманием и вопросы, связанные с осушением болот и повышением плодородия почв, полей и лугов. Впервые проблема осушения болот была поднята Юрьевским обществом сельского хозяйства, обратившим внимание Юрьевского уездной земской управы на наличие во Владимирской губернии 623 тыс. десятин неудобной земли, из которых 450 тыс. приходилось на болота. Общество предлагало постепенно

осушать болота, частью для распахов под хлеба, частью для разведения лугов, не касаясь при этом торфяников. На заседании Владимирского губернского земского собрания 15 декабря 1884 г. было принято решение о финансовом участии последнего в осушении болот в размере, равном участию уездного земства, но не более 500 рублей на каждый уезд. В смету 1885 г. было внесено 1500 рублей на предполагаемое исследование болот губернии [15, с. 700–708]. В 1886 г. осушительные работы в пределах Владимирской губернии были начаты и силами Лесного департамента Министерства государственных имуществ [11, с. 86–87].

Безусловно, на заседаниях губернского и уездных земских собраний Владимирской губернии рассматривались и другие вопросы, связанные с рациональным водопользованием, землепользованием, охраной природы. Но в целом можно отметить, что уже в дореволюционный период благодаря активной практической деятельности земств были намечены определенные идеи и направления природоохранной деятельности, оказавшие влияние на решение экологических вопросов в последующие десятилетия. Основными формами работы земств стали законодательная, организационно-инженерная и материальная поддержка рационального природопользования.

Вместе с тем, очевидно, что природоохранная деятельность не носила целенаправленного, систематического характера и являлась, в основном, делом медиков и санитарных врачей. Усилению работ препятствовали дефицит подготовленных кадров, капиталоемкость возможных природоохранных мероприятий, их инженерная сложность. Следует отметить и особенности общественного сознания изучаемой эпохи, которое оставалось, в своей массе, в пределах доэкологического сознания. "Все эти изменения в системе "человек-природа" считались несущественными, несоизмеримыми с теми политическими, социальными, военными и религиозными проблемами которые волновали людей" [8, с. 11].

ЛИТЕРАТУРА

1. Боровков А., Боголюбовский А. Лесные пожары, возникновение их, меры предостережения и борьба с ними//Наше хозяйство.– 1926.–№1.– С.65–70.
2. Владимирская газета. 1903. № 138. С.3.
3. Врачебно-санитарная хроника Владимирской губернии. – Владимир–на–Клязьме: Типо-литография губернской земской управы, 1910. Январь. – 53 с.
4. Государственный архив Владимирской области (далее ГАВО). Ф.379. Оп. 1. Д. 936.
5. ГАВО. Ф.379. Оп. 1. Д. 800.
6. ГАВО. Ф. 379. Оп.1. Д. 455.
7. ГАВО. Ф. 379. Оп. 1. Д.366.
8. ГАВО. Ф.379. Оп. 1. Д. 1075.
9. Гиренок Ф.И. Экология. Цивилизация. Ноосфера. – М: Наука, 1987.– 386 с.
10. Доклады Владимирской губернской земской управы губернскому земскому собранию XX-й очередной сессии. – Владимир–на–Клязьме: Типо-литография губернской земской управы, 1885. – 406 с.

11. Доклады Владимирской губернской земской управы губернскому земскому собранию XXI-й сессии. – Владимир–на–Клязьме: Типо–литография губернской земской управы, 1886. – 351 с.
12. Дубровский Н.И. К вопросу о загрязнении Владимирских рек//Труды Владимирского общества любителей естествознания. Т. II. Вып. II.– Владимир: Типо–литография губернской земской управы, 1904.– С.10–27.
13. Дубровский Н.И. Питьевые воды Владимирской губернии // Труды Владимирского общества любителей естествознания. Т. I. Вып. II. – Владимир: Типо–литография губернской земской управы, 1904.– С.31–99.
14. Жулида Д. Лесомелиоративные (песчано–овражные) работы во Владимирской губернии за 1907–1917 гг. и перспективы возобновления их в ближайшем будущем//Наше хозяйство.– 1925. – №11–12. – С.89–97.
15. Об осушке болот//Вестник Владимирского губернского земства. – 1886. – №14. Владимир–на–Клязьме: Типо–литография губернской земской управы, 1893. – С.699–728.
16. Обязательные санитарные постановления для уездного населения Владимирской губернии// Вестник Владимирского губернского земства. – 1893.– №8.– Владимир–на–Клязьме: Типо–литография губернской земской управы, 1893. – С.372–381.
17. Обязательные санитарные постановления для уездного населения Владимирской губернии. – Владимир на Клязьме: Типо–литография губернской земской управы. Б.м.Б.г.– 12с.
18. Отчет по облесению песков за 1912 год. – Владимир–на–Клязьме: Типография Губернского правления, 1912. – 6 с.
19. Памятная книжка Владимирской губернии. – Владимир–на–Клязьме: Типография Губернского Правления, 1859. – 289 с.
20. Результаты исследования тех селений, где наблюдалась убыль населения// Доклады санитарной комиссии, состоящей при Владимирской губернской земской управе, очередному губернскому земскому собранию XXVII сессии. – Владимир на Клязьме: Типо–литография губернской земской управы, 1892.– С. 75–97.
21. Санитарное исследование фабричных заведений Вязниковского уезда.– Владимир–на–Клязьме: Типо–литография губернской земской управы, 1884.– 244 с.
22. Сборник положений, правил, разъяснений и обязательных постановлений о надзоре за заведениями фабричной промышленности, изданный Владимирским Губернским по фабричным делам присутствием. – Владимир–на–Клязьме: Типография губернского правления, 1894.– 126 с.
23. Сборник постановлений Владимирского губернского земского собрания. 1866–1895 гг. Т.II. – Владимир–на–Клязьме: Типо–литография губернской земской управы, 1904. – 295 с.
24. Тихонравов К. Владимирский сборник. М., 1857.
25. Труды Владимирского губернского научного общества по изучению местного края. Вып. II. – Владимир: Владимирский Губполитсовет. Государственное издательство, 1921.– 148 с.

© Т. Golubkina, (golubkina@vtsnet.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»,

